

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Советский миф в автометадескриптивной системе Вампилова-драматурга *Каппушева Лейла Магомедовна*

Студент

*Северо-Кавказский Федеральный Университет, Факультет филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, Ставрополь, Россия*

E-mail: leyla-2007@mail.ru

Особым явлением в советской драматургии послевоенной эпохи стал театр А.В. Вампилова, со временем заслуживший мировое признание.

После XX съезда партии, несмотря на начавшуюся оттепель, развитие драматического искусства всё также оставалось под жёстким давлением идеологии: «Революция сказала театру: «Театр, ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник» [Луначарский: 274].<?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

Зритель должен был видеть на сцене развёртывание всё того же советского мифа, который из пространства самой жизни следовало перенести в пространство драмы.

В этих условиях и появляются пьесы Вампилова, в противовес свойственных для драматургии того времени тенденций, не направленные на осмыслении навязываемой идеологии. Такое отрешение осуществляется за счёт проникновения в область духовного. Герои Вампилова, хотя и существуют в советской реальности, как будто её не замечают, сосредотачиваясь на внутренних противоречиях самой жизни.

В этом и состоит загадка художественного мира Вампилова, осмыслению которой может способствовать исследование текстов, содержащих метапоэтические данные.

Так, идеология, столь слабо представленная в драматургии Вампилова постоянно переосмысливается им в метапоэтике, где она оценивается исключительно сатирически. На страницах его записных книжек встречаются случаи перифразирования официальных лозунгов и идеологических клише: «человек человеку – красная шапочка» [Вампилов: 309]; «Вот вы будущий инженер человеческого организ­ма, скажите, чем выражается анатомия скуки?». [там же: С. 318]; Идеология становится объектом особой языковой игры, в которой посредством лексических повторов, семантических преобразований и т.д. создаётся эффект абсурдности происходящего: «Маленький корреспондент приехал в маленький посе­лок на маленький завод» [Вампилов: 314]; «Петро— прижимистый мужичок: Такой период. Он идеалист» [там же: С. 314];

Высмеиванию подвергаются и такие навязываемые советскому человеку ценности, как коллективность, тотальное обобществление и т.д.: «Трое и один: Один: Какая улица? Трое: Советская. Один: Раздевайсь!» [Вампилов: 312]; «Пойди бродяжничать — обвинят в отрыве от коллекти­ва, в хулиганстве, в космополитизме и т. д.» [там же: 314].

В метапоэтике Вампилова происходит возврат к подлинной духовности, которая заполняет место отвергаемой советскости. Первым шагом на пути к этому является отрицание материализма, в вечном противоречии с которым находятся две великие ценности (любовь и поэзия): «В любви (большой любви) нет материализма. Вся она сплошной идеализм и с материализмом в вечном бес­смертном противоречии. На этом противоречии вырастает поэзия» [там же: 338].

Счастье, которое, как свидетельствуют дневники и записные книжки драматурга, часто становилось предметом его раздумий, также не связывается им с пресловутым «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Оно становится предметом долгой и, очевидно, мучительной рефлексии: «Что такое, собственно, счастье? Для одних — душевное равновесие, для других — материальное благополучие. Для третьих то и другое неотделимо» [Вампилов: 310]; «Одни счастье высиживают, другие — выпрашивают, третьи — ждут его на большой дороге» [там же: 314].

Разрешением этой рефлексии становится меткое афористичное высказывание, к которому так тяготеет весь вампиловский стиль: «Счастье — в предчувствии счастья» [там же: 296].

Таким образом, слово «счастье» лишается в языке драматурга его советского истолкования. Вампилов как бы отбирает его у мифа и помещает на прежнее место, в круг вечных общечеловеческих ценностей.

Возвращению духовности служит и осознание необходимости заполнения духовного пространства каким-либо внутренним содержанием. его основой становится идея: «Ничего нет страшнее духовного банкротства. Человек может быть гол, нищ, но если у него есть хоть какая-нибудь задрипанная идея, цель, надежда, мираж — все, он еще человек и его существование имеет смысл» [там же: 311].

Слово «идея» в языке Вампилова переживает особую семантическую трансформацию: «Идеи мы отстоим, но у нас не будет детей. Для кого тогда идеи? С человека, который знает, что у него не будет внуков, трудно спрашивать. Его ничем не удивишь» [Вампилов: 338].

Из зафиксированных в словаре Д.Н. Ушакова пяти значений у Вампилова слово «идея» употребляется только в одном, третьем: «Основной, существенный Принцип мировоззрения. Борьба за идею» [Словарь: 1133-1134].

«Происходит семантическое сужение, что и проясняет само высказывание. Речь идёт не о биологических детях и внуках, а об идейных последователях. Их «не будет», а следовательно, все те, кого Вампилов называет словом «мы», в известном смысле обречены либо на непонимание, либо на неприятие будущим. Это же трагическое предчувствие перемен содержится и в других заметках: «Скоро все полетит к черту, и я не хотел бы, чтобы вы были этому очевидцем» [Вампилов: С. 323]

Возможно, именно такое ощущение конечности своего времени позволило драматургу вывести созданные им пьесы за пределы эпохи, столь недвусмысленно претендующей на обладание вечностью.

По-видимому, отсюда и берёт истоки нулевой градус идеологии, характерный для всех его пьес. В одной из дневниковых записей художника находим: «Я не говорил умных вещей, но я и не говорил глупо­стей. Я молчал» [там же: 342]. Фраза знаковая для всего его творчества. Молчание у Вампилова становится столь же значимым, сколь семантически ёмкой является пауза, в ставшим его призванием, драматическом искусстве.

Литература

1. Луначарский А.В. Станиславский, театр и революция // Луначарский А.В. Полн. Собр. Соч. М., 1963. т. 3. С. 267-278.
2. Вампилов А.В. Я с вами, люди. - М., 1988.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т., т. 1. - М., 1935.